

Глава первая

Серафиме приснился дятел. Он сидел на сухом стволе сосны и целился носом в какую-то букашку. Потом быстро откинулся назад, стукнул клювом по коре и снисходительно посмотрел на Серафиму чёрным блестящим зрачком. Серафима удивилась и открыла глаза.

Дятла, конечно, не было. Был некрашенный потолок с круглыми пятнами сучков, лампочка в самодельном абажуре и пёстрый табель-календарь, прищипленный над кроватью к стене из тёсаных брёвен.

А ещё была стрела.

Она торчала над календарём, и белое хвостовое перо её хищно дрожало.

«Так, — подумала Серафима. — Кажется, кто-то совершил покушение на мою жизнь. Только этого мне и не хватало».

Она с беспокойством взглянула на затянутое марлей окно. В марле ярко голубела круглая дырка. Серафиме захотелось поглубже забраться под одеяло.

— Нет, стоп, — сказала она себе. — Главное — не поддаваться панике.

Серафима была рассудительным человеком. Она прогнала страх и стала вспоминать, кому причинила зло и кто мог желать ей такой ужасной гибели.

Никому она не причиняла зла! Честное слово! Правда, вчера во время ужина она прогнала из столовой Мишку Зыкова, но он даже не обиделся. Он понимал, что сам виноват, ведь никто не заставлял его опускаться в компот нытику Генке Молоканову живого зелёного лягушонка.

«Не было покушения, — решила Серафима. — Стрела случайно влетела в окно, и теперь, наверно, её хозяин прячется в кустах и с тревогой думает: „Узнают или не узнают? Попадёт или не попадёт?“»

Она вскочила с кровати, натянула сарафан и шагнула на крыльцо.

В двух метрах от крыльца росла прямая берёза. В стволе берёзы высоко, так что не дотянешься, торчали две стрелы.

Одна — толстая и короткая, с чёрным вороньим пером, другая — длинная, без перьев, с зелёными полосками у наконечника.

— Не нравится мне это, — задумчиво сказала Серафима и огляделась.

Горнисты ещё не сыграли побудку, и над лагерем висела сонная тишина. А солнце стояло уже высоко. Жестяные наконечники стрел, глубоко вонзившиеся в берёзу, горели серебряными точками.

Ещё одна стрела взмыла над кустами черёмухи, описала пологую дугу и ушла за дальние сосны. Она была ярко-

алая, с белыми перьями у хвоста. В зарослях черёмухи затрещали ветки и послышались тихие напряжённые голоса.

— Батюшки... — прошептала Серафима. — «Волна»...

Коротким словом «волна» в лагере называли массовые увлечения. Что такое «массовое увлечение», каждому понятно. Допустим, один человек нашёл на дороге обрезок жести и сделал из него свисток. Ходит и свистит. Другой человек услышал и думает: «У него есть свисток. А у меня нет свистка. Разве это жизнь?» Идёт он тоже искать кусок жести. Режет её, гнёт и в конце концов гордо подбрасывает на ладони великолепную свистелку собственной конструкции. Потом подносит её к губам и надувает щёки...

Когда у двух человек есть свистки, а у других нет, это большая несправедливость. И вот уже всюду стучат по металлу молотки и кирпичные обломки, сгибая в трубку жестяные полоски. Воздух наполняется режущим свистом, и тишина рвётся в мелкие клочки.

Это значит, что на лагерь накатилась «свистковая волна». Вообще «волны» бывают разные: вредные и полезные, опасные и безобидные.

В начале первой смены прокатилась «шляпная волна»: мальчишки и девчонки мастерили из лопухов широкополые мексиканские шляпы, украшали их подвесками из сосновых шишек и пышным оперением из листьев папоротника. Ходить без такой шляпы считалось просто неприличным. Однако лопухи увядали быстро, а росли медленно, и «волна» утихла, когда в окрестностях лагеря был найден и вырван с корнем последний лопух.

Через неделю прошумела другая «волна» — «разбойничья». Несмотря на грозное название, она была очень спокойная. Все мирно сидели под деревьями и мастерили маленьких «разбойников». Туловища лепили из глины, головы

делали из шишек и репейника, руки и ноги — из веток, а усы — из сухих сосновых иголок. Потом эти разбойники стояли всюду: на подоконниках, на перилах, на спинках кроватей и даже на умывальниках. Наконец их собрали в пионерскую комнату и устроили выставку.

После «разбойничьей волны» прокатилась «волна ужасов». Всем захотелось наряжаться привидениями и кого-нибудь пугать. Мальчишки после отбоя малевали на голых животах страшные рожи, приматывали к голове деревянные рога и бесшумными скачками подкрадывались к девчоночьим дачам. Но девчонки не спали. Вымазав мелом лица и завернувшись в простыни, они со зловецким подвыванием бродили вокруг дач. В общем, привидений развелось видимо-невидимо, а пугать было некого.

Потом прошумело ещё несколько «волн», и самая грозная из них называлась «ракетная».

Ракеты с ядовитым шипением взмывали над полянами и, кувыркаясь, падали в кусты. Иногда они сгорали прямо на стартовой площадке. А ракета с гордым именем «Сириус-5» вышибла кухонное окно и утонула в котле с рассольником. Среди вожатых началась паника. Но эта «волна» угасла сама собой из-за недостатка реактивного горючего.

И вот — стрелы.

— Это, как я понимаю, не ракеты, — озабоченно сказал завхоз Семён Васильевич. — Горючего для них не требуется. А матерьялу сколько хочешь. Рядом с кухней сосновые чурки лежат. Сухие, будто порох. И прямослойные. Я их для лучины припас, для растопки. Было восемь чурок, а теперь, значит, пять. Куда три пропали? Вон они — в воздухе летают с перьями на хвостах. Вот так.

Все дружно вздохнули и повернулись к окну. За окном была усыпанная песком площадка, а на площадке — столб с репродуктором. В столбе, не очень высоко от земли, торчала стрела с огненным петушиным пером. Появился лохматый исцарапанный мальчишка в зелёных трусиках. Подошёл к столбу. Поправил на плече маленький, сильно изогнутый лук. Поднял голову, подумал и лениво подпрыгнул, чтобы достать стрелу. Не достал. Почесал о плечо подбородок, снова поправил свой лук и неторопливо удалился.

— Вот-вот... — мрачно произнёс Семён Васильевич. — Про это я и говорю. Видали? Ему, тунейдцу несчастному, даже прыгнуть лень как следует. Потому что стрел у него и без этой хватает. Три сосновые чурки на стрелы пустили! Изверги...

— Три чурки, три чурки, три чурки... — басовито пропел вожатый первого отряда Сергей Привалов.

— Нет ничего смешного, Сергей Петрович! — строго и обиженно сказала старшая вожатая Светлана. — Здесь не опера, а педагогический совет лагеря. Дети могут получить увечья и травмы...

— Виноват, Светлана Николаевна, — откликнулся из угла Сергей. — Больше я не буду. Хотя должен заметить, что увечья и травмы — это одно и то же.

— Товарищи! — укоризненно сказала директор лагеря Ольга Ивановна. — Света, Серёжа, не надо! Вопрос-то серьёзный. Продолжайте, Семён Васильевич.

— А чего продолжать? Кончать надо. Наконечники на всех стрелах, обратите внимание, железные, из жести. В виде конуса. Из консервных банок делаются. Где они банки берут, ума не приложу. А насчёт дерева всё ясно. Трёх чурок нет? Нет. А из каждой не меньше сотни стрел должно получиться. А то и две. А ещё обрезки досок на это пошли...

Он вздохнул, шумно поворочался на стуле и затих.

— Ольга Ивановна, у меня предложение. — Худая де-вушка в очках подняла руку. — Надо издать приказ, что стрелять из луков запрещается, а виновным грозит исключение. В своём отряде я уже объявила. Устно.

— Помогло? — печально спросила Ольга Ивановна.

— Ну... это ведь устно. А если приказ с вашей подписью повесить на доску объявлений...

— Не знаю, кто как, а я к этой доске и на сто шагов не подойду, — заявила Светлана. — Её превратили в щит для мишеней. Там уже висит, между прочим, один приказ — с выговором за самовольное купание. Кажется, Юрию Земцову. В этом приказе торчат четыре стрелы. Их не убирают. По-моему, нарочно... Я не понимаю, Сергей, что тут смешного?!

— Я серьёзен, как надгробие.

— Надгробие скоро понадобится мне. От такой жизни. Я поймала Игоря Каткова — кстати, он из твоего отряда — и говорю: «Вы другого занятия не могли найти? Вы без глаз останетесь». А он хоть бы хны!

— Да? А что он сказал? — с интересом спросил Сергей.

— Что, что... Он известный хулиган и болтун. Сам знаешь.

— Всё-таки что ответил хулиган и болтун Катков?

— Как всегда, сказал глупость: «Купаться нам нельзя — говорят, утонете. Загорать нельзя — перегреетесь, в лес нельзя — заблудитесь, на карусель нельзя — закружитесь, стрелять тоже нельзя... А дышать можно?» Нахал! Сам из речки по два часа не вылезит!.. Ну, Ольга Ивановна, Сергей опять смеётся!

— В самом деле, Серёжа... — Ольга Ивановна покачала головой. У неё было полное, совершенно нестрогое лицо и растерянные глаза. — Нехорошо, Серёжа... Это ведь в твоём отряде больше всего стрелков. Даже девочки...

— Девять ребят и четыре девчонки. И ещё пятеро делают луки, — уточнил Сергей.

— Блестящие показатели! — язвительно заметила Светлана. — Твои методы работы. Вот у Серафимы, например, почему-то ни одного стрелка нет. А?

— Ну, они ещё малышки, — ласково сказала Серафима. — Ещё не научились. Научатся...

— Ты всегда заступаешься за Привалова!

Сергей встал.

— Дело ясное, — сказал он. — «Волна» есть «волна». Стихия. Отбирать луки бесполезно. Сжигать стрелы — тоже. Стихию не остановить. Выход один: направить её в безопасное русло.

— Серёженька, родной, направь! — с надеждой воскликнула Ольга Ивановна. — Я тебя потом за это на два дня в город отпущу!

— Нужно двадцать палаток, — сказал Сергей.

- Будут палатки! Одиннадцать есть, остальные в «Весёлых искорках» попросим. А ещё что нужно?
- Лист ватманской бумаги.
- И всё?!
- И ещё всю полноту власти.

В семь часов вечера на двери столовой появился лист с большими красными буквами.

ВЕЛИКИЙ И НЕПОБЕДИМЫЙ
Рыцарский орден стрелков из лука
объявляет:

§ 1

Для безопасности населения все стрелковые тренировки переносятся в большой овраг.

§ 2

**Назначается всеобщее стрелковое соревнование.
Победители будут участвовать в грандиозном
рыцарском турнире.**

§ 3

Всякий, кто осмелится выпустить стрелу на территории лагерь, будет объявлен вне закона, лишён оружия и немедленно изгнан из славных рядов ордена.

§ 4

**Запись в великий и непобедимый
Рыцарский орден
производится в пионерской комнате.**

Примечание. Турнир будет через два дня.

Лист был пригвождён к двери чёрной тяжёлой стрелой.

Глава вторая

- Работорговец ты, Новосёлов, — сказал Сергей.
- Я?!
- Именно ты. Самый настоящий.
- Ладно. Спасибо.

Володя пнул попавшую под ноги шишку, отошёл в сторону, сел под сосной и стал думать о несправедливости.

Вроде бы он не хуже других. За эти два дня все убедились, что стреляет он как надо. Ну ладно, этим хвастаться нечего: каждый стреляет как может. Но ведь он не только стрелы пускал, он и мишени малевал для соревнований, и оленя из фанеры помогал выпиливать, дистанции размечал в овраге. Никаких «спасибо» ему за это не надо, но оруженосца-то могли бы дать получше!

Это Серёжа придумал, что у каждого участника турнира должен быть оруженосец. Для малышей из шестого отряда такое дело — самое подходящее. Стрелки из них никудышные: им и лук-то не натянуть как следует, а за улетевшими стрелами бегать они могут. И вообще, мало ли какая помощь потребуется во время турнира. Сразу и не угадаешь. А оруженосец всегда под рукой. Скажешь — и он сделает что нужно.

И ещё было решено, что, если стрелок победит в турнире, его оруженосец тоже считается победителем: славу и приз пополам.

В общем, здорово было придумано, и Володя ни за что не отказался бы от оруженосца, если бы дали ему кого-нибудь другого. Например, Мишку Зыкова, известного на весь лагерь семилетнего забияку с бесстрашными глазами. Или вон того худого малыша с незаживающими ссадинами на коленках и удивительным прозвищем — Обезьяний Царь. Или, наконец, Сашку Макурина. Он хотя и увальень, но парень с головой, деловитый и не нытик.

Но достался Володе совсем другой оруженосец. Володя даже его фамилии точно не знал. Голубков или Голубев. Или Голубкин. Аркашка.

Полное имя для Аркашки оказалось, наверно, слишком длинным. Звали его просто Кашка. Он и в самом деле был как незаметная полевая кашка в траве — пройдёшь и не увидишь. Может быть, в своём отряде, среди малышей, он и был чем-нибудь известен, кто знает. Но Володя на него никогда не обращал внимания. Потому что помотришь — и взгляду не за что зацепиться: выгоревшие волосы, стоптанные сандалеты, серенькие штаны на лямках да голубая выцветшая майка. Вот и весь Кашка. Хоть бы какой-нибудь значок на майку прицепил, или бы синяк заработал, или царапину какую-нибудь, чтобы знак отличия был. Да где уж ему!

По деревьям он не лазил, на речку не бегал, в драки не лез, в лагерных концертах не участвовал. На линейках его не хвалили и не ругали, потому что ничего с ним не случилось. Это ведь не Зыков и не Обезьяний Царь. И не Светка Матюшова, которая однажды заманила в лагерь деревенского козла и натравила его на мальчишек из третьего отряда.

Как только Володя увидел, какого оруженосца ему подсунули, он чуть не застонал. Побежал к Сергею и в упор спросил:

— Больше никого дать не могли? Да?

— А чем тебе Кашка не нравится?

— Боже мой! — с отчаянием сказал Володя. — А чем он может нравиться? Инфузория какая-то.

— Ну, не валяй дурака. Обыкновенный мальчишка.

Они стояли у фанерного домика, где была пионерская комната. Озабоченные важными делами, пробегали мимо ребята с охачками бумажных флажков, с фанерными щитами для мишеней и банками красок.

Несколько человек остановились, чтобы посочувствовать Володе.

А Кашка сидел шагах в двадцати на лавочке. Сидел прямо и неподвижно, как в кино. Смотрел издали на Сергея и Володю. Разговора он, кажется, не слышал, но о чём-то догадывался.

— Беспомощный он, как кролик, — тихо сказал Володя. Сергей взял его за плечи:

— Вовка, ты пойми. Никто же их не назначал, этих оруженосцев. Все ребята сами выбирали и сами договаривались. Ну кто виноват, что тебя тогда не было?

Володя обмяк. Когда Серёжа разговаривал вот так просто и доверительно, спорить с ним было невозможно. И всё-таки Володя высвободил плечи. Он сказал со сдержанной обидой:

— Я, между прочим, не гулял. Я мишени собирал в овраге. Все стрелять кончили и разбежались кто куда. А мишени нужны ещё... А оруженосца мне вообще тогда не надо. Я не барин.

— Тебе-то, может быть, не надо... Но куда ты его денешь? Думаешь, ему не обидно?

Володя вздохнул.

— Ну пойми. Ведь я же не нянька, — сказал он. — Мне же стрелять надо будет, а не нос ему вытирать.

— Ну и будешь стрелять. Не стони раньше времени. — Серёжа отмахнулся и нырнул в пионерскую комнату.

— Юрка! — Володя с надеждой повернулся к Юрику Земцову. — Юрка, давай меняться, а? У тебя ведь Мишка Зыков. Давай, ты мне Мишку, а я тебе десять наконечников и Кашку.

Юрик обалдело глянул на Володю:

— Мишку?..

— Пятнадцать наконечников, — безнадежным тоном сказал Володя. — Все из жёлтой жести. Как золотые. Я их для турнира берёг. Ну, семнадцать... А?

Вот тогда-то Серёжа и сказал, не выходя из пионерской комнаты:

— Работорговец! Человека меняет на какие-то наконечники! Догадался...

Сейчас рыцари на земле повывелись. Но в далёкие времена, когда на высоких горах стояли каменные замки, когда в тёмных дубравах водились буйные разбойники, а учёные-астрономы носили остроконечные колпаки с серебряными звёздами, рыцарей было видимо-невидимо. Громыхая латами, как пустыми умывальниками, они съезжались в чистом поле, раскидывали шатры и устраивали турниры.

В лагере «Синие камни» шатров не нашлось, но двухместные палатки Серёжа достал. Их поставили на широкой поляне, окружённой частым березняком и зарослями шиповника. Девятнадцать палаток образовали большой круг, а двадцатая — командорская — стояла в середине. Получился настоящий рыцарский табор: с мочальными хвостами и пёстрыми флажками на деревянных пиках у палаток, с разноцветными гербами на фанерных щитах, с синим стягом над главной палаткой. На стяге был похожий на полумесяц лук и красная стрела.

Двое суток должны жить в палатках те, кто победил в прошедших соревнованиях, — девятнадцать участников заключительного турнира. И их оруженосцы. Сорок воинов, сменяясь ежечасно, будут ночью охранять их покой и сон...

Володя шагал к палаткам. Двое часовых глянули на него сквозь прорези картонных шлемов и скрестили копьё.

— Пароль?

— Идите вы с паролем, — уныло сказал Володя. Развёл копьё в стороны и, не оглядываясь, пошёл дальше.

Часовые посмотрели друг на друга, вздохнули и остались на месте.

Свою палатку Володя увидел сразу. Кто-то уже позаботился о нём. На тонком длинном древке рядом с палаткой был укреплен бумажный флажок с Володиным гербом — жёлтое яблоко, пробитое навывлет фиолетовой стрелой.

Но и без флажка Володя не ошибся бы. Потому что у входа сидел на корточках Кашка.

Он увидел своего командира и торопливо встал. Будто испугался чего-то. А может быть, и правда испугался. Стоял, неловко шевеля руками, и вопросительно смотрел на Володю.

«И чего смотрит, будто кролик на удава?» — подумал Володя. И почувствовал, как закипает досада.

В серых Кашкиных глазах было ожидание. Он готов был и улыбнуться, и робко съёжиться — всё зависело от того, что скажет Володя.

Володя всё-таки сдержал раздражение. Надо было думать и о справедливости. Ведь этот несчастный Кашка, в конце концов, ни в чём не виноват.

Кашка ждал. Нужно было хоть что-то сказать ему.

— Ты почему не в столовой? — сказал Володя.

И Кашка улыбнулся. Улыбка была немножко виноватая и смешная, потому что у оруженосца не оказалось переднего зуба.

— Наш отряд уже пообедал, — объяснил Кашка. — Мы сегодня раньше всех...

— Значит, спать пора, наверно, — сказал Володя. — Мёртвый час.

— Весь лагерь не спит, — осторожно заметил Кашка. Он, видимо, не знал, как принимать Володины слова: как приказание или просто так.

Володя нырнул в палатку. Оруженосец полез следом.

Внутри всё уже было готово: лежали два соломенных тюфяка под одеялами, две подушки. В карман, пришитый к парусиновой стенке, кто-то воткнул ветку шиповника с розовыми цветами.

— Это ты постарался? — с сомнением спросил Володя.

Кашка смущённо заморгал.